

О МЕТОДОЛОГИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК. НЕОПОЗИТИВИЗМ

Краткий очерк

Борис Ихлов

Введение

Квинтэссенция позитивизма, начиная с Огюста Конта – отрицание философии под видом стремления сделать философию научной, спекуляции на реальных проблемах современной науки. Фундаментальная критика этого направления идеологии дана в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Неопозитивизм возник в 20-30-х годах XX в. в Центральной Европе, получил широкое распространение в США и Англии, наиболее крупные представители - Р. Карнап, Ф. Франк, Б. Рассел, А. Д. Айер, К. Поппер, С. Чейз, А. Кожибский.

Логический позитивизм стал одним из оснований ранней аналитической философии, философии языка, и стал доминирующей буржуазной философией науки в период между 1-й мировой и холодной войной, в Великобритании благодаря Айеру, в США - благодаря членам «Венского кружка», которые бежали из Европы во время и после 2-й мировой войны.

Бертран Рассел в труде «Principia Mathematica» а также Уайтхед, при исследовании логических основ математики использовали новую символическую логику, ей придали философский смысл и приписали статус универсальной методологии исследования. От прежнего позитивизма, представленного физиками, от «элементов опыта», математиками и лингвистами был сделан шаг в сторону, к элементам языка.

«Предложение можно понять тогда, если мы знаем, при каких условиях оно может быть истинным. Это означает, что требуется не знание того, является ли предложение истинным или ложным, но знание обстоятельств, которые позволяют установить его истинность», - пишет в своем «Логико-философском трактате» 1921 года Витгенштейн.

Действительно, содержание лозунга «Вся власть Советам» может быть как реакционным, когда в Советах доминируют меньшевики, и прогрессивным, когда в нем доминируют рабочие. Но Витгенштейн не понимает относительную самостоятельность содержания предложения. Содержание предложения «Луна существует» слабо зависит от субъективных обстоятельств.

Логический позитивизм делит научные предложения на аналитические и синтетические. Аналитические предложения логически необходимы и самодостаточны (пример: тела протяженны). Истинность синтетических предложений устанавливается эмпирическим путём (пример: на столе лежит книга). Для доказательства научности теорий используется верификация, процедура проверки истинных знаний, заключающаяся уже не в экспериментальной проверке, но в редукции, в разделении сложных предложений разделить на протокольные. Истинность протокольных предложений полагается абсолютно несомненной, так как полагается, что она соответствует наблюдаемой действительности. Форма протокольного предложения выглядит следующим образом: «N наблюдал такой-то и такой-то объект в такое-то время и в таком-то месте». Таким образом, вся деятельность учёного сводится к проверке протокольных предложений и их обобщению. На основании такого построения «Венский кружок» во главе с Карнапом занялся созданием единой научной теории - «Фундамента единой науки».

Согласно построению Э. Сепира и Б. Уорфа, организация, систематизация, теоретизация и онтологизация мира определяются языковой системой, хранящейся в памяти того или иного естественного языка. Семантика, грамматика, лексика языковой системы подсказывают и диктуют формы организации и теоретического освоения внешнего мира. Поэтому онтологическая картина оказывается подчиненной языку, когнитивные системы детерминируются разнообразием существующих грамматик и словарей. То есть, если бы Аристотель говорил по-китайски или на языке племени чау-чу, то он представил бы совершенно иную картину реальности, с иным ускорением тела притягивались бы к Земле, центром мира была бы не Земля, а кокос и т.д.

Лингвист и публицист левого и даже антиамериканского толка Ноам Хомский критикует построения Сепира-Уорфа за универсализм, социолингвистический детерминизм и т.п., но не за подмену причины (внешнего мира) следствием (языком). Более того, Хомский, наделяя язык не только сигнальными функциями, как это делают бихевиористы Райл или Куайн, но и дескриптивными, в духе Сепира-Уорфа выдвигает гипотезу о врожденной диспозиции к усвоению грамматической структуры языка, наличии в нем глубинных структур (генеративной грамматики), о наличии у языка не только социальных, но и биологических корней [1]. То есть, пытается вернуться к врожденным знаниям в духе Платона, якобы дикие племена могли без науки свободно постигать тайны космологии и атомного ядра.

Как Людвиг Витгенштейн и Рассел, Карнап, Гемпель, Поппер, Мориц Шлик, Райхенбах и др. утверждали, что философия, должна заниматься лишь логическим анализом «языка» наук, понимая под «языком» совокупность терминов, символов и знаков, которые употребляются в той или иной науке. Принцип физикализма сводит единство науки к чисто формальному, языковому, неопозитивизм подменяет философию формальной логикой, обособленной от ее материалистического обоснования и используемой для описания формальной структуры наук. Сами же специальные науки якобы представляют собой лишь упорядочение т.н. «нейтрального» материала науки. Что является лишь словесным изменением старого махизма: мир Маха и Авенариуса философски «нейтрален», у неопозитивистов «нейтрален» «материал науки», т.е. тот же окружающий мир. Махизм ставит акцент на чувственный момент в познании, неопозитивизм - на языковую форму рациональной ступени познания, подменяя философию узкой сферой изучения языка и отгораживая исследователя от объективного мира.

Карнап, Витгенштейн, Шлик считают «научно осмысленными» сравнения высказываний «нейтральными фактами» или с «нейтральными событиями» (Рассел, Айер). Если высказывание такому сравнению не поддается, его объявляют лишенным научного смысла.

Юм и Беркли подменили источники ощущений, внешние объекты, ощущениями, Мах и Авенариус превратили ощущения в объекты, неопозитивизм встал на путь отрицания самого вопроса об отношении мышления к бытию (В. С. Швырев).

Стремясь представить философские высказывания ненаучными, неопозитивизм выдвинул способ проверки (верификации) истинности научных утверждений.

Казалось бы, ничего нелогичного принцип верификации не содержит, он требует сопоставления научных высказываний с опытными (эталонными или эмпирическими) данными, алгоритмами и программами. Но под научными высказываниями он понимает отнюдь не теории, не сформулированные научным языком законы природы.

«Акт верификации, к которому, в конце концов, приводит путь решения, всегда одинаков, – это некий определенный факт, который подтвержден наблюдением и непосредственным опытом. Таким образом, определяется истинность (или ложность) каждого утверждения – в обыденной жизни или науке – и не существует других способов проверки и подтверждения истин, кроме наблюдения и эмпирической науки. Всякая наука (если и поскольку мы понимаем под этим словом содержание, а не человеческие приспособления для его открытия) есть система познавательных предложений, т.е. истинных утверждений опыта...» – пишет преемник Эрнста Маха физик Мориц Шлик в статье «Поворот в философии» [2].

Дело даже не в том, что принцип верификации детерминирует свойства вещей их наблюдаемостью и не в том, что любое элементарное высказывание «теоретически нагружено». Данный принцип в полезной попытке расчленив язык на элементарные составляющие, на атомы, которые поддаются опытной проверке, выплескивает с водой и ребенка. А именно: исчезает системное качество. Поэтому философские высказывания принцип верификации квалифицирует как ненаучные.

Атомизация языка аналогична препарированию царевны-лягушки, можно обнаружить позвонки, хрящи, железы и пр., но составных частей Василисы Премудрой обнаружить невозможно. Язык – это не просто одномоментный синтез, это продукт длительной общественно-исторической практики.

Если использовать такие категории философии, как качество и количество, то вода при вскипании переходит в свое новое качество. У китайцев и негров, у рабочих и буржуа есть общие, связывающие

элементы воедино, качества, они проявляются в противостоянии монополий, бунтах и революциях. Для принципа верификации эти общие качества отсутствуют, то есть, принцип верификации прямо противоречит опыту.

Ленин подчеркивал, что любое экзальтирование, любая абсолютизация обязательно ведут к идеализму. Неопозитивизм абсолютизирует момент сопоставления теории с опытом, то есть, извращает его роль в процессе познания. Законы диалектики не проверяются в частных, единичных экспериментах, они являются их обобщением. Позитивисты отрицают возможность такого обобщения и всю философию вообще.

Принцип верификации внешне выглядит как принцип, будто бы в равной мере враждебный идеализму и материализму. В действительности же этот принцип враждебен материализму именно как идеалистический. Неопозитивизм утверждает, что догматы религии лишены научного смысла, но отнюдь не отрицает эти догматы, утверждая, что они обладают более глубоким содержанием, чем наука. Хотя на самом деле этот «содержание» - старое платоновское удвоение мира. Утверждая, что положение материализма о существовании объективной, т. е. независимой реальности не верифицируемо, неопозитивисты не просто вступают в резкий конфликт с научным мировоззрением, они дают дорогу именно религии.

Согласно неопозитивизму говорить о существовании Земли до человечества можно лишь условно, утверждение об этом есть лишь логическая конструкция, удобная для предсказаний на основе будущих ощущений геологов, астрофизиков, палеонтологов и т.д. Точно так же католическая церковь трактовала модель Коперника. Учение о «логических конструкциях» - разновидность концепции «принципиальной координации», конструкции мыслятся существующими лишь в зависимости от сознания логика-теоретика.

Поисками «атомов» языка занимался и ученый материалист Анри Валлон, изучая становление устной речи детей, он вычленил некие элементарные, «изначальные» пары. Не меньший материал дает изучение корней слов. Неопозитивизм оставляет эти исследования без внимания.

Еще Сократ указывал, что любое высказывание (напр., «не убий», «не укради» и пр.) в сильной степени зависит не столько от личности высказывающего, сколько от внешних материальных обстоятельств [3]. Любое высказывание, вырванное из контекста и из исторического контекста, становится пустой абстракцией, которую наполняет содержанием наиболее мощная, наиболее организованная социальная сила. Пример – «общечеловеческие ценности».

Но неопозитивисты проходят мимо того факта, что язык противоречив, высказывание может быть ложным или истинным одновременно, независимо от субъекта, как это хорошо показывает парадокс лжеца, хотя Рассел и формулировал данный парадокс в терминах теории множеств.

В основу неопозитивизма положен также принцип конвенционализма, утверждение, что исходные положения (аксиомы и правила вывода) в логике и математике суть результаты произвольного соглашения ученых друг с другом, которые ищут не истинных, но удобных теорий. Позднее конвенционализм был распространен на философию, эстетику, этику в форме т.н. принципа терпимости (толерантности), сначала относящегося только к логике, затем к морали, став оправданием аморализма. Гносеологически конвенционализм есть результат ложного понимания относительной активности субъекта (ученого) в построении им научных теорий. Конвенционализм сводит понятие существования логического (математического) объекта к существованию значения знаков в сознании исследователя; истинность научного утверждения сводится к факту условного принятия утверждения в данной научной системе. Таким образом, конвенционализм есть субъективизм.

Исток конвенционализма – апелляция неэвклидовым геометриям и символической логике без закона исключенного третьего, подкрепленные мнением А. Пуанкаре, что «выбор» той или иной научной теории имеет право быть произвольным.

Квантовая механика, полагают неопозитивисты, есть смесь свойств изучаемого объекта и сознания экспериментатора, который с помощью приборов наблюдает микромир. Копенгагенская школа (Бор, Иордан и др.), придерживаясь близких к неопозитивизму взглядов, трактует квантовую механику мистически, якобы всякое наблюдение субъективно не только по форме, но и по содержанию, якобы свойства микрообъектов зависят от их наблюдаемости субъектом. То есть, данный вывод ставит под сомнение объективность, то есть, независимость от сознания, материальных физических процессов, что

является основой субъективного идеализма Юма и Беркли. Трактровка фон Неймана квантовой механики - именно в духе Беркли и Юма.

Таким образом, физика лишается научного смысла, мир предстает комплексом личных ощущений, переживаний экспериментатора, для другого экспериментатора мир является другим комплексом, для третьего – третьим и т.д.

Неопозитивисты, претендующие на «третью линию» в философии, отбрасывают этот вопрос как «псевдопроблему». Витгенштейн, Карнап, А. Кожибский и др. подчеркивают, что неопозитивизм отверг тезис о реальности внешнего мира и тезис о его нереальности как «псевдопроблему».

Карнап и Айер объявили бессмысленными утверждения философов об объективном мире.

Все разновидности современного позитивизма отрицают научную значимость основного вопроса философии. Л. Витгенштейн в качестве главной задачи философии выдвинул в начале 20-х годов логический анализ, «прояснение» языка; Б. Рассел считал, что философия должна если не полностью, то по преимуществу ограничиться анализом логической структуры науки. Карнап доказывал, будто основной философский вопрос - это «абсурдный псевдовопрос». Ф. Франк полагал, что ни «материализм», ни «антиматериализм» не связаны с наукой и вызываются исключительно лишь «социальными, политическими и религиозными устремлениями». Айер утверждал, что «в природе философии нет ничего», что оправдывало бы существование противоречащих друг другу философских школ.

Неопозитивизм отрицает детерминизм в истории, стадии общественного развития и его законы, утверждает невозможность прогнозирования в истории.

Некоторые изменения, внесенные в конце 30-х годов Р. Карнапом и другими неопозитивистами в принцип верификации, лишь несколько затушевали субъективизм, но не устранили его.

Карнап, Айер, Поппер, Гемпель, Куайн и др. отказались от некоторых чересчур откровенных солипсистических тезисов, но суть, т.е. отрицание марксизма, не изменилась.

Карнап

С 1931 по 1935 Рудольф Карнап - профессор философии Германского университета в Праге. В 1935 из-за своих социалистических и пацифистских убеждений эмигрирует в США. Противник расизма.

Однако убеждения ничего не значат. Значит действие. Нельзя быть социалистом по убеждениям, «философы прошлого лишь объясняли мир, задача философов настоящего – его изменить» (Маркс, «Тезисы о Фейербахе»). Как гласит пословица: добродетельным можешь быть сам по себе, для порока нужны двое.

С 1935 Карнап - профессор Чикагского, с 1952 - Калифорнийского университетов, член Американской Академии Наук.

Карнап отбросил социалистические взгляды и начал с ряда радикальных неопозитивистских физикалистских концепций и отрицания философии. Затем выдвинул нелепый тезис, что логика науки есть анализ синтаксических связей между предложениями, понятиями и теориями, и отрицал возможность научного обсуждения природы реальных объектов и их отношения к языку науки.

Карнап развивал теорию логического синтаксиса, строил язык расширенного исчисления предикатов с равенством и с правилом бесконечной индукции как аппарат для логического анализа языка науки, наконец, уже после 1836 года, сформулировал «унифицированный язык науки».

В последние годы Карнап решительно высказывался в пользу существования «ненаблюдаемых материальных объектов» как основы для построения логических систем. Характерно название одного из трудов Карнапа: «Преодоление метафизики логическим анализом языка». Что само по себе бессмысленно, метафизика преодолевается диалектикой.

Карнап пишет: «Наблюдения, делаемые нами в повседневной жизни, так же как более систематические наблюдения в науке, обнаруживают в мире определенную повторяемость или регулярность. За днем всегда следует ночь; времена года повторяются в том же самом порядке; огонь всегда ощущается как горячий; предметы падают, когда мы их роняем, и т. д. Законы науки представляют не что иное, как утверждения, выражающие эти регулярности настолько точно, насколько это возможно. Если некоторая регулярность наблюдается во все времена и во всех местах» без исключения, тогда она выступает в форме универсального закона... мы будем различать два вида законов — эмпирические и

теоретические. Законы простого вида, о которых я только что упоминал, иногда называют «эмпирическими обобщениями», или «эмпирическими законами». Они являются простыми потому, что говорят о свойствах, таких, как черный цвет или магнитные свойства куска железа, которые можно наблюдать непосредственно. Например, закон теплового расширения представляет обобщение, основанное на многих непосредственных наблюдениях тел, которые расширяются при нагревании. В противоположность этому теоретические понятия или понятия о ненаблюдаемых объектах, таких, как элементарные частицы или электромагнитные поля, должны иметь отношение к теоретическим законам» [4].

Далее Карнап приступает к анализу не физических закономерностей, но лингвистики, он пытается вывести что-то новое в физике путем анализа понятийного и текстового аппарата, которым пользуются физики. Если рычаг давит на поршень, Карнап исследует слово «давит».

То есть, Карнап стремится нарисовать некие общие для физики схемы, исходя не из физической формы движения материи и даже не из взаимосвязи законов физики, а из способа общения между людьми по поводу этой формы. Что, разумеется, бессмысленно, хотя иные физики в России тем и заняты.

Однако даже в этих начальных рассуждениях Карнапа – серьезная методологическая ошибка.

Повторяемость, регулярность явления – еще не сущность.

Лингвистическая логика языкового и понятийно-категориального каркаса физики, безусловно, является нужным предметом исследований, но этот предмет не является определяющим. Даже если мы соединим обычную формальную логику с теорией вероятности, это ничего не скажет нам о сущности.

Бертран Рассел любит приводить пример: курочку 99 раз зовут «цып-цып-цып», каждый раз давая просо. Индуктивным образом курочка приходит к выводу, что «цып-цып-цып» связано с просом.

Компьютер определяет зависимость с коэффициентом корреляции равным 1. Однако на сотый раз ее зовут «цып-цып-цып» и отрубает голову. Тем самым, издевается Ильенков, наглядно дают понять курочке, что ей стоило бы иметь более тонкое представление о путях научного обобщения.

Индуктивная логика тоже в данном случае не помощник.

Карнап не понимает, что явление и сущность не совпадают.

Открытия радиоактивности, сверхтекучести, разбегания галактик, эффекта Мёссбауэра и т.д. были сделаны случайно, вне каких-либо обобщающих эволюцию науки из самой науки построений и схем. Но именно эти открытия и вызвали гигантский прогресс в науке.

Наконец, у Карнапа наличествуют ненаблюдаемые сущности. Но если это, например, ненаблюдаемый электрон или его спин, то в мире вообще всё не наблюдаемо. По той причине, что все предметы, состоящие из атомов и молекул, действуют на органы чувств «усреднено», как и излучение в видимом спектре. Нет принципиальной разницы между отдергиванием руки от оголенных проводов и слушанием чирканья воробья.

Лакатос

Мировоззрение Имре Лакатоса под давлением внешних обстоятельств тоже претерпевало резкие изменения.

Во время Второй мировой войны он был участником антифашистского Сопротивления, стал коммунистом и вместе со своей девушкой Эвой Ревес сформировал подпольную марксистскую группу. После войны в МГУ защитил диссертацию, то есть, отдавал дань роли КПСС в обществе, затем работал чиновником департамента культуры в Министерстве образования Венгрии, находился под сильным влиянием идей квалифицированного марксиста, но сталинистского уклона - Дьёрдя Лукача.

«Предсказывалось, - говорит Лакатос, - что наступит абсолютное обнищание рабочего класса.

Предсказывалось, что социалистическая революция произойдет в наиболее развитом в промышленном отношении обществе. Марксизм конечно же «объяснил» все эти неудачи. Он «объяснил» повышение уровня жизни рабочего класса в рамках теории империализма; он «объяснил», почему первая социалистическая революция произошла в промышленно отсталой России. Он «объяснил» события 1953 года в Берлине, 1956 года в Будапеште и 1968 года в Праге. Он «объяснил» советско-китайский конфликт. Но эти вспомогательные гипотезы были выдвинуты вслед за событиями, чтобы защитить марксистскую теорию от натиска фактов. Ньютоновская программа привела к новым фактам;

марксистская программа тащилась в хвосте у фактов, и ей пришлось даже перейти на бег, чтобы угнаться за ними» [5].

Лакатос проводит параллель между марксизмом и непогрешимой, он теологией, путает марксизм и эрзац-марксизм в СССР. Марксизм никогда не предсказывал, что первая социалистическая революция произойдет именно в развитом обществе, он лишь указывал, что для социалистической революции должны быть развиты производительные силы - в мире, т.к. социалистическая революция может быть только мировой. Во-вторых, это не одномоментное событие, а процесс. Именно марксизм объясняет, почему после революции в отсталой России уже в 20-е годы базис привел надстройку в соответствие с самим собой, что в 1991 году стало видно уже явно.

Лакатос оказался тотально неинформирован, он не знал, кто стоит за событиями 1953-го, 1956-го и 1968 года.

Таким образом, благодаря МГУ и профессору С. А. Яновской, которая была научным руководителем Лакатоса, полуграмотный в марксизме венгр получил степень доктора философии.

Во времена культа личности Матяша Ракоши в 1950-1953 годов был репрессирован как «ревизионист», находился в заключении. Во время путча, организованного ЦРУ, и после ввода советских войск 25.11.1956 бежал в Великобританию. В соответствии с этим развивал вместе с Поппером принцип фальсификации.

Поппер, считал Лакатос, не позаботился о разработке механизма осуществления фальсификации, его отсутствие может свести на нет саму идею фальсификации, в результате возник «утонченный фальсификационизм».

Теория отживает свой век не тогда, когда объявляется противоречащий ей факт, а когда о себе заявляет теория, которая лучше предыдущей. Так, механика Ньютона стала фактом прошлого только после появления теории Эйнштейна.

Методология Лакатоса рассматривает рост зрелой науки как смену ряда непрерывно связанных теорий - притом не отдельных, а серии теорий, за которыми стоит научно-исследовательская программа - структурно-динамической единицей модели науки. Всякая методологическая концепция должна функционировать как историографическая.

Главным критерием научности программы Лакатос называет прирост фактического знания за счёт её предсказательной силы. Пока программа даёт прирост знания, работа учёного в её рамках «рациональна». Когда программа теряет предсказательную силу и начинает работать только на «пояс» вспомогательных гипотез, Лакатос предписывает отказаться от её дальнейшего развития. Однако при этом указывается, что в отдельных случаях исследовательская программа переживает свой внутренний кризис и снова даёт научные результаты; таким образом, ее продолжение во время кризиса признаётся Лакатосом «рациональным».

Таким образом, построения Лакатоса – скорее, описательны, нежели операциональны. Его восприятие классической механики крайне примитивно, с появлением ОТО она не ушла в прошлое, более того, из нее родилась стохастика, которая может быть применима и в ОТО.

Наконец, даже наличие механизма фальсификации не отменит ее абсурдность: с точки зрения принципа фальсификации все неверные теории, которые можно опровергнуть – научны.

Лакатос высмеивает и религию, и конвенционализм, однако тут же, критикуя принцип фальсификации, утверждает, что этот принцип лишь потому ущербный, что большинство ученых не соглашается отвергнуть собственные теории.

Лакатос утверждает, что в 1934 году Карл Поппер якобы показал, что математическая вероятность всех теорий, научных или псевдонаучных, оказывается равной нулю при любом количестве свидетельств. «Сегодня несложно показать, - без тени сомнения полагает Лакатос, - что законы природы не могут быть выведены из конечного числа фактов...»

Процесс абстрагирования, восхождение от абстрактного к конкретному и от конкретного к конкретному общему неизвестны Лакатосу, он полагает, что формальная логика способна доказать или опровергнуть истинность той или иной теории.

«... научные теории доказываются на основе фактов. Откуда берётся это упрямое сопротивление элементарной логике вещей? Этому есть достаточно убедительное объяснение. Учёные стремятся сделать свои теории уважаемыми, заслуживающими титула «науки», то есть подлинного знания».

Лакатос упорно игнорирует вопрос об отношении сознания к бытию, о соответствии теории практике. Он привлекает для доказательства индуктивную логику. «Если математическая вероятность теории высока, она расценивается как научная, если вероятность низка или вообще равна нулю, эта теория не научна. Таким образом, признаком научной честности не может считаться то, вероятность чего не слишком высока».

Однако нет никакой вероятности теории, есть исключительно подтверждение ее практикой. Для Лакатоса же и антинаучный фрейдизм – тоже одна из вероятностных теорий, как механика или ОТО. Более того, Лакатос выдумывает некое «твердое ядро» теории (научной программы, нарратива, дискурса), которое защищено массой дополнительных гипотез.

«... во всех исследовательских программах, - говорит Лакатос, - присутствует одна общая черта. Они предсказывают новые факты, которые было даже невозможно вообразить, или действительно противоречат предыдущим либо конкурирующим программам».

Лакатос искажает историю науки. Новые теории возникают как раз на основе новых фактов. Которые не могли быть объяснены в рамках старых теорий.

Лакатос знаком с математикой, но не математик, не физик, не биолог, он строит регламент работы ученых точно так же, как это делалось в СССР в период правления Сталина или в Китае в 50-е годы. Проживи Лакатос всю жизнь в Великобритании, вряд ли правящим кругам королевства – или элите КПСС, или правящему классу РФ после 1991 года - была бы интересна его теория.

Фейерабенд

Не менее удивительным метаморфозам подверглись взгляды и Пола Фейерабенда. Во время войны он находился на Восточном фронте, воевал в гитлеровской армии, заработал Железный крест и звание лейтенанта. Во время наступления Красной армии получил три пулевых ранения в живот и руку, был отправлен в тыл.

Один из его учителей в Вене - марксист В. Холличер. Однако в своих работах Фейерабенд, как пишут исследователи, редко использует идеи марксизма, но часто эпатирует публику цитатами из Ленина или Мао Цзэдуна.

По примеру ВКПб Фейерабенд регламентирует науку философией. А именно: привносит в неопозитивизм (постпозитивизм) идею анархии.

Фейерабенд придерживается плюрализма в науке, утверждает, что в науке не существует универсальных методологических правил, но, в противоречие своему утверждению, конструирует концепцию эпистемологического анархизма, согласно которому существует единственный принцип, по которому должны работать ученые: «Дозволено всё». Контркультура, постмодерн, диалектический материализм в смеси с конструкциями Витгенштейна, критический рационализм – словом, всё, что попадет под руку. Принятие лишь одной теории, утверждает Фейерабенд, детерминирует способ восприятия явлений, ведет к «теоретической нагруженности» эмпирических данных.

Казалось бы, нельзя и требовать отказа от субъективности восприятия, вопрос в другом, в тождестве мышления и бытия, но Фейерабенд требует объединить науку, искусство и религию, все типы познания равноправны, теории должны множиться (пролиферировать) и конкурировать.

По Фейерабенду нужно отвергнуть и принцип сведения новых теорий к старым в определенном пределе: ОТО к механике Гука-Ньютона, квантовой механики – к классической, поскольку, считает поборник равенства Фейерабенд, это даёт необоснованные преимущества старым теориям. Фейерабенд разработал целый метод отрицания универсальных научных правил, наподобие методичек типа «Как довести учительницу», и всерьез ратует за полное отделение государства от науки и за отказ от стандартизованного образования.

«Можем ли мы исключить возможность того, что известная ныне наука, или «поиск истины» в стиле традиционной философии, превратит человека в монстра? Можно ли исключить возможность того, что

это будет ущербный человек, превращённый в убогий, угрюмый, самонадеянный механизм, лишённый обаяния и чувства юмора? «Можно ли исключить возможность того, — спрашивает Кьеркегор, — что моя деятельность как объективного {или рационально-критического} наблюдателя природы ослабляет мою человеческую сущность?» Я полагаю, что ответ на все эти вопросы должен быть отрицательным, и уверен в том, что реформа наук, которая сделает их более анархистскими и более субъективными (в смысле Кьеркегора), крайне необходима», - пишет Фейерабенд [6].

Первой жертвой критики Фейерабенд избирает неопозитивизм, в 1978 году он противопоставляет свою книгу «Наука в свободном обществе» идеологеме Поппера «открытое общество», отвергает идею «нейтрального» языка науки.

Тем не менее, Фейерабенд следует сути неопозитивизма, он убежден, что философия не может успешно описать науку в целом и не может разработать метод отделения научных трудов от ненаучных сущностей, таких, как мифы.

Фейерабенд провозглашает отказ от концепции единственно верной истины, но не в марксистском смысле.

На примере научной революции Коперника он выводит правило: нарушение всех принятых в науке правил; если же этого нарушения нет, нет и научной революции.

Фейерабенд отождествляет науку с идеологией, вопрос о соответствии бытия и мышления не приходит Фейерабенду в голову, он восстает против понятия объективности, то есть, против тождества мышления и бытия. Соответственно, агностицизм неопозитивизма находит в философии Фейерабенда свое логическое завершение.

На объективность Фейерабенд нападает следующим образом: «Назвать какую-то процедуру или точку зрения объективной – значит утверждать, что она независима от человеческих ожиданий, идей, позиций, желаний» [7]. Все верно, восприятие субъективно. Но и этого не следует, что научные положения должны зависеть от настроения экспериментатора. И далее философ, как и Лакатос, прибегает к сравнению с религией.

«Однако сама идея объективности гораздо старше науки и не связана с ней. Она появляется тогда, когда какой-то народ, племя или цивилизация отождествляют свой образ жизни с законами мироздания... Мирлюбивые культуры старались избежать изменений, ограничивая контакты» («Прощай, разум»). Фейерабенд повторяет замечание Ленина, что, например, расселение индейцев по континенту носило взрывной характер: культура бежала от культуры.

Здесь три момента:

- 1) Фейерабенд путает экспонирование чужой культуры с ее навязыванием. Навязывание же культуры есть один из моментов завоевания.
- 2) Фейерабенд смешивает воедино естественнонаучные теории и общественные закономерности, которые меняются людьми от этноса к этносу, от эпохи к эпохе. Более того, он смешивает культуру как способа производства и, следовательно, как способ познания мира, с ритуалом, религиозным культом, тотемическим, погребальным, шаманским и т.п., которые, хотя и связаны с материальным бытием племени, никаким постижением мира не являются, яркий пример – карго-культ.
- 3) Фейерабенд приводит в пример религиозные войны. Но религиозность есть лишь форма, точнее, ширма, войны происходили не потому, что кто-либо верил другим богам, кроме Яхве или аллаха, у войн всегда вполне определенная политэкономическая подоплека.

Трактовка квантовой механики, представляющая физическую реальность как результат взаимодействия субъекта и объекта, отвергается Фейерабендом. Но не из-за ее субъективного идеализма, а потому, что она «пренебрегает культурным разнообразием». Но тут же указывает, что объективность, независимость закона природы от сознания наблюдателя – есть не решение основного вопроса философии, а лишь способ аргументации, проведение «границы между субъектом и объектом», и якобы то, что этот способ был поставлен под сомнение, привело к прогрессу науки. На самом деле ничего подобного не было, квантовая механика возникла как объяснение излучения черного тела и спектра атомов, которые нельзя было объяснить в рамках классической физики. Сверх того, Фейерабенд по незнанию уверен, что теологическое объяснение происхождения Вселенной Хойлом играет важную роль в науке.

Направленность на исторические процессы (а не на некие «универсальные законы») отмечается Фейерабендом путем приклеивания ярлычка «холизм». Термин, как и теория эмерджентности, призван подменить 1) качественный переход от низших форм движения материи к высшим, 2) возникновение нового в ходе снятия противоречия в схеме гегелевской диалектики. Холизм как философская установка абсолютизирует примат общего над частным.

Фейерабенд не понимает эволюционной составляющей развития науки, но главное в другом. Гипотеза Аристарха Самосского о гелиоцентрической системе мира, предположение Фарадея, что свет есть электромагнитная волна, предсказание Джоном Митчелом черных дыр в 1748 году и множество других открытий, которые были радикальными, оказалось не востребовано и было забыто. Если грубые объективисты жестко привязывают научные открытия к историческим периодам, то Фейерабенд полностью игнорирует связь научных революций и развития производительных сил общества. Он не понимает того момента, что художник не может быть свободен в обществе, построенном на тяжелом, монотонном, однообразном, обезличивающем труде. Капиталистическое производство унифицирует мышление миллионов рабочих, так называемый свободный ученый находится в полной зависимости от этого обезличенного труда, и, как говорил Герцен, «не может быть свободной нация, угнетающая другие нации».

Фейерабенду не нравится «экспорт свободы», «забота о правах человека», предполагающая «активное вмешательство». Он считает это либеральным предрассудком и желает логически продолжить философию плюрализма и на отношения США с другими странами. Однако, разумеется, Фейерабенд следует в общем русле либеральной идеологии и пропаганды, без всяких анархических отклонений. По его формулировке, взятой у Канта, он сам еще «не вышел из состояния несовершеннолетия», его теория «теоретически нагружена» господствующей буржуазной идеологией. Он ничего не знает об античности и всерьез считает, что при рабовладении, при автократии Перикла существовала демократия. Для Фейерабенда демократия – это не реальная, ежемоментная власть демоса, а свобода выбирать того, кто будет тебя подавлять в ближайшее время до новых выборов.

Фейерабенд мало смыслит в марксизме, но легко его критикует. Он достаточно осведомлен о древнегреческих философах, но его суждения об античной философии поверхностны. Ксенофан, один из основателей школы элеатов, хорош только потому, что возражал всему, что видел и слышал вокруг. Неважна истина, неважно само исследование природы, важно возражать. Отнюдь не понимание Ксенофаном причин возникновения мифологии ценно для Фейерабенда, но возражение общепринятому, якобы это возражение и есть источник знания. Фейерабенд считает, что Ксенофан «не дал аргументов» против мифологического мировоззрения. Насмешка – не аргумент, но жест или мычание, как пишет Фейерабенд - аргумент.

Из философии сенсуалиста из группы старших софистов Геродота Фейерабенд вычлняет только релятивизм (поскольку субстанция активна, а ее восприятие субъектом пассивно, «все суждения истинны»). Но Геродот вынужден уйти от релятивизма: то мнение, что полезно – истинно, то, что вредно – не истинно.

«Атомизм Демокрита, - безапелляционно утверждает Фейерабенд, - ничего не добавил к знанию». Настолько ничего, что Ломоносов использовал атомизм Левкиппа и Демокрита для объяснения тепловых явлений.

Маркс пишет: «Греки всегда останутся нашими учителями вследствие этой грандиозной объективной наивности выставляющий всяких предмет... без покровов, в чистом свете его природы, хотя бы это бы и тусклый свет» [8]. «Древние греческие философы были все прирожденными стихийными диалектиками...» [9].

По Демокриту жизнь порождалась влажными телами благодаря теплоте и «своему семени», первые люди произошли из воды и ила. Сначала возникают земноводные животные, затем появляются животные, обитающие только на земле – что точно соответствует современной картине мира. В книге Фейерабенд пишет, что суд над Галилеем был мелким событием, у Фейерабенда есть отдельное исследование о конфликте Галилея с церковью, но он даже не в курсе, что Галилея пытали и к месту суда несли на носилках.

Фейерабенд признает, что «существуют успешные теории, использующие абстрактные понятия», но отказывается делать из этого факта общий философский вывод о познании вообще.

Понятие объективности, независимой от традиции истины, по Фейерабенду «сталкивается» с проблемой культурного разнообразия, «культурное разнообразие, - уверяет он, - не может быть охвачено формальным понятием объективной истины», т.к. якобы содержит множество таких понятий. Таким образом, объективность якобы оказывается в зависимости от способа аргументации, принятого в той или иной культурной традиции. Ни о каком соответствии суждения с природой у Фейерабенда речи не идет. Это то же субъективный идеализм (релятивизм, который упоминает Фейерабенд, дополняя его словом «демократический»), но в качестве субъекта – этнос, племя, нация. Тот факт, что китайские самолеты и электростанции работают на той же «объективности», что и французские, и революции в Китае и Франции происходили по одним законам, Фейерабенда не касается. В пределе и внутри одной традиции люди не могут понимать друг друга, ибо у всех своя личная традиция. Соответственно, и классовые позиции – лишь культурное разнообразие традиций, их противопоставление в рамках «теории» Фейерабенда – лишено смысла. По мнению Фейерабенда рабочий класс должен не мешать буржуазии «двигаться своим путем», что «редко приводит к успеху», а усвоить «то хорошее», что открыла буржуазия.

Казалось бы, всё верно, Ленин призывал именно к этому: перенести в отсталую Россию все самое передовое из развитых капиталистических стран. Казалось бы, всё верно: рабочий класс должен освоить отношения частной собственности (прежде чем их преодолеть), осуществить на деле лозунг «фабрики – рабочим». Однако Фейерабенд забывает, что сделать это мешает именно носитель «хорошего», буржуазия.

Прошло немного времени, и американский капитал поднял лозунги плюрализма мнений, толерантности и мультикультурализма на знамя, плоды этого ныне пожинает Европа, столкнувшаяся с армиями мигрантов из Африки, и сами США, столкнувшиеся с черным расизмом. Насаждаемый капиталом плюрализм мнений оказался жестче любой цензуры, его белый шум заглушает любой полезный сигнал.

Свобода Фейерабенда – это свобода и от общества, и от природы. Фейерабенд утверждает, что субъективный идеалист Эрнст Мах предложил материалистическое понимание роста научного знания. В книге масса нелепых утверждений, например, что «медицина до XX столетия» якобы «была лишена всякого содержания», либо нужно допустить, что «медицина может быть успешной, не будучи научной».

Фейерабенд, как потребитель на базаре, охватывает всё, в его книге субъективный идеализм Маха, воззрения Святого Августина и т.п. подобное выдаются за истину, высказывания Эйнштейна перемешаны с античной поэзией, облучение щитовидной железы – с бытом индейцев, аксиомы геометрии – с философией Милля, ДНК – с критикой Больцманом феноменологической термодинамики, холодное отношение Ферми к теории относительности – с китайской медициной и поеданием мертвых родителей детьми. Отчего в книге нет высказываний Буша-младшего или депутатов Госдумы РФ, темы спорта, темы жилищно-коммунального хозяйства, нет Майкла Джексона, Гарри Поттера или Шварценеггера – вопрос вопросов.

Фейерабенд уподобляется журналистам, которые не являются ни в чем специалистами, но пишут обо всем.

И форма содержательна, и кажимость значима (Гегель), и мифы отражают реальность, и, как указывает Маркс, газетные фетиши не менее материальны, чем стул или кровать. Однако и разница между миражем и реальностью очевидна.

Фейерабенд, действительно, простился с разумом. Повторю замечание Лившица и Рейнгардта из книги «Кризис безобразия» о модерне XX века: я сыт по горло примитивом XXI века.

Поппер

С позиций позитивизма критику неопозитивистских принципов предпринял американский логик У. В. О. Куайн, критику логического позитивизма - Карл Поппер [10]. Поппер утверждал, что позитивистский критерий верификации является слишком строгим критерием для науки, и он должен быть заменен

критерием фальсифицируемости, что фальсифицируемость является лучшим критерием для науки, поскольку в данном случае не приходится прибегать к философским проблемам, связанным с проверкой индукцией, и это оправдывает научность теорий, которые не вписываются в рамки верификации. Согласно Попперу, рост знаний достигается в процессе рациональной дискуссии, которая неизменно выступает критикой существующего знания. Поппер считал, что открытия делают, восходя не от фактов к теории, а от гипотез к единичным высказываниям.

В 60-е годы Поппер разрабатывает теорию, согласно которой идеальные объекты реальны, а их развитие в «платоновском мире» происходит относительно самостоятельно.

Поппер пишет: «Идея т.н. трудовой теории стоимости, заимствованная Марксом у его предшественников (в частности, он ссылается на Адама Смита и Давида Рикардо) и приспособленная для его целей, достаточно проста... Тремя основными моментами моей критики являются следующие: (а) теории стоимости Маркса недостаточно для того, чтобы объяснить сущность эксплуатации; (b) для такого объяснения достаточно принять некоторые дополнительные допущения, что делает теорию стоимости излишней; (с) теория стоимости Маркса - это эссенциалистская или метафизическая теория. ... если для объяснения результатов действия закона стоимости достаточно сформулировать законы спроса и предложения, то теория трудовой стоимости вообще не нужна...» [11].

Маркс не заимствовал свою теорию стоимости у Смита и Рикардо. Он не просто ссылается на них, в «Теориях прибавочной стоимости», предшествующих «Капиталу», т.е. в 4-м томе, он подробно доказывает ошибочность теорий Смита и Рикардо.

Баланс спроса и предложения не отменяет того факта, что на рынке продается не труд, а рабочая сила, того факта, что прибыль возникает при использовании такого товара, как рабочая сила, т.е. – в сфере производства.

Поппер передергивает, он следствие выдает за причину, законы спроса и предложения, относящиеся к вторичной сфере обмена товаров, он объявляет первичными, а первичную сферу производства – вторичной.

«Маркс понимал, - пишет Поппер, - что законы спроса и предложения необходимы для соответствующих объяснений во всех случаях, когда нет свободной конкуренции, и, следовательно, закон стоимости вообще не действует, например, когда монополия используется для того, чтобы постоянно держать цены выше «стоимости» товаров. Маркс считал такие случаи исключениями, что, скорее всего, неверно, но даже если они действительно являются исключениями, все равно пример с монополией показывает, что законы спроса и предложения не только представляют собой необходимые дополнения к закону стоимости, но имеют и более широкую сферу действия. Из сказанного ясно, что законы спроса и предложения не только необходимы, но и достаточны для объяснения всех феноменов «эксплуатации», которые рассматривал Маркс, в частности существования нищеты рабочих наряду с богатством нанимателей... Таким образом, независимо от того, верна теория стоимости или нет, она оказывается совершенно ненужной в теории эксплуатации Маркса».

Поппер противоречит сам себе. Рикардо указывает (и Маркс его цитирует в «Нищете философии»), что монополия ограничивает игру спроса и предложения, она продает товар по максимуму покупательской способности. Поппер ссылается на монополию, утверждает, то она не исключение, и тут же объявляет незыблемой игру спроса и предложения.

Но если одна монополия продает товар выше стоимости, не монополизированные производители, а их немало, вынуждены продавать товар ниже стоимости. Если иметь в виду международное разделение труда, то монополии (ТНК) ведущих стран продают товар выше стоимости, монополии всего остального мира – ниже, игры спроса-предложения нет, а марксов закон стоимости действует. Результат: распределение между богатыми и бедными странами, составлявшее в 1820 г. 3:1, в 1913 г. - 11:1. в 1950 г. - 35:1, в 1973 г. - 44:1, достигло к 2001 г. 78:1. Уровень жизни в самой богатой стране, Швейцарии, превышает уровень жизни в самой бедной стране, Мозамбике, в 400 раз, в то время как 200 лет назад соотношение между двумя «полюсами» составляло 5:1.

Вследствие того что рабочий не владеет средствами производства, он вынужден продавать свою рабочую силу. Рабочий производит больше, чем потребляет, излишек забирает капиталист. Поппер делает вид, что ничего этого нет, просто цена рабочей силы устанавливается игрой спроса-предложения.

«Маркс не объяснил, - уверяет далее Поппер, - почему предложение рабочей силы продолжает превышать спрос. Ведь если так выгодно «эксплуатировать» труд, почему тогда конкуренция не побуждает капиталистов увеличивать свою прибыль за счет использования все большего количества труда? Другими словами, почему капиталисты не конкурируют между собой на рынке труда, тем самым поднимая заработную плату до такого уровня, при котором получение прибыли уже невозможно, а, значит, невозможна и эксплуатация? Маркс мог бы ответить на это... следующим образом: «Поскольку конкуренция вынуждает капиталистов вкладывать все больше капитала в оборудование, они не могут увеличить ту часть капитала, которая расходуется на заработную плату». Однако такой ответ неудовлетворителен. Ведь даже если капиталисты тратят свой капитал на приобретение оборудования, они могут делать это только покупая труд, необходимый для производства этого оборудования, или вынуждая других покупать такой труд - в любом случае спрос на труд увеличивается. Поэтому оказывается, что феномен «эксплуатации», который рассматривал Маркс, возникает не из механизма действия рынка с развитой конкуренцией, как он полагал, а в силу совершенно иных факторов - главным образом из-за сочетания низкой производительности труда с рынком, на котором недостаточно развита конкуренция».

Поппер – буржуазный идеолог, острие его атаки – СССР, для которого он пропагандирует идеологему «конкуренция». К Соединенным Штатам он свои построения не применяет, будто бы в США развита конкуренция. Но это не так, поскольку монополии, картельный сговор и т.д. ограничивают конкуренцию. В начале 90-х консьюмеристы в США выяснили, что антимонопольное законодательство не действует. Более того, такая монополия, как государство США, не допускает конкуренции более качественных бразильских апельсинов, что уж говорить о других товарах.

Поппер выдумывает неверный, нелепый ответ за Маркса, с успехом его опровергает, но Маркс объяснял существование армии безработных совершенно по-другому!

Повышение органического строения капитала означает, что рост переменного капитала (v) происходит более медленными темпами, чем рост постоянного капитала (c) и чем увеличение всего капитала в целом. В результате функционирующий капитал начинает притягивать относительно меньше дополнительных рабочих, т.к. развитие производительных сил обеспечивает рабочему возможность производства всё большего объема потребительных стоимостей при тех же затратах труда. Таким образом, происходит относительное сокращение потребности в привлечении дополнительной рабочей силы для расширения масштабов производства, и что часть рабочей силы выталкивается из производства.

Но данный момент вторичен! Скажем, в Японии до распада СССР существовал институт пожизненного найма, только в 2001-м в стране возникла 5%-я безработица, японцы были в шоке.

«В идее, которая введена вовсе не Марксом, - продолжает Поппер, - и согласно которой *за* ценами скрыта какая-то объективная, реальная, или истинная, стоимость, а цены — это только «форма ее проявления», достаточно ясно чувствуется влияние платоновского идеализма с его различением скрытой сущности, или истинной реальности, и акцидентальных, или иллюзорных, явлений... Маркс приложил много усилий к тому, чтобы избавиться от мистической сущности «стоимости», но не достиг в этом успеха. Стараясь быть реалистом, он принимал в качестве реальности, проявляющейся в форме цены... вопрос о том, должны ли мы называть это рабочее время «стоимостью» товара или нет, в определенной степени является чисто вербальным...»

Вообще-то акцидентальное (случайное) не есть иллюзорность (кажимость), причем и «кажимость сущностна» (Гегель), и случайность закономерна (Гегель).

«Случайность, - указывает Ф. Энгельс, - это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью» [12].

Наконец, диалектическое взаимодействие между необходимостью и случайностью выражается и в том, что необходимость прокладывает себе дорогу через случайность, а случайность является формой проявления необходимости и дополнением к ней. «То, - отмечает Ф. Энгельс, - что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость и так далее» [13].

Ф. Энгельс писал, что там, «где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы» [14].

Итак, тот факт, что рабочие не имеют средств производства, а капиталист изымает излишек прибавочного продукта, Поппер объявляет чисто вербальным (словесным).

Смешно другое. Мало того, что сначала Поппер объявил Маркса метафизиком, а потом метафизику приравнял к идеализму Платона. Он исказил идеализм Платона. Платон не утверждал, что вещь есть проявление идеи вещи. Согласно Платону мир удваивается: идеи вещей (эйдосы) существуют помимо вещей. Хотя они придают форму материи, вещи – якобы только тень, подобие идей, но идеи совершают собственные перемещения, чтобы не соприкоснуться с вещами. Соединяясь с вещами, идеи оскверняются.

То, что Поппер что-то там чувствует – это личное дело Поппера, это касается его жены на кухне. Другое дело, что он искажает вопрос: ведь и диалектические материалисты, и объективные идеалисты действуют одинаково, стараются за деревьями увидеть лес, за явлением раскрыть сущность. Никакой мистики здесь нет! Как говорил Маркс, если бы явление и сущность совпадали, науке нечего было бы делать. Только материалисты объясняют частные факты из материальных отношений, а идеалисты считают материю проекцией духа.

Поппер окрестил теорию Маркса эссенциалистской. Эссенциализм приписывает некой сущности неизменный набор качеств и свойств, предполагает, что у вещей есть некая глубинная реальность, истинная природа, которую нельзя наблюдать напрямую, и что для нас важна именно эта скрытая сущность. Но Маркс как раз и показывает эту якобы ненаблюдаемую сущность, Поппер передергивает!

«... даже в том случае, - вещает Поппер, - когда налицо реальный прогресс, например сокращение рабочего дня и значительное повышение жизненного уровня рабочих (не говоря уже об их высоком денежном заработке, даже в золотом выражении), рабочие могут с горечью жаловаться на то, что марксистская «стоимость», т. е. реальная сущность, или субстанция, их заработка уменьшается, так как сокращается рабочее время, необходимое для производства этой субстанции. (Аналогичным образом могли бы жаловаться и капиталисты.)»

Капиталисты, действительно, жалуются: ведь снижение рабочего времени уменьшает их прибыли. Но Поппер и тут передергивает: если восстановление рабочей силы требует БОЛЬШИХ затрат, трудовые коллективы начинают борьбу за повышение зарплат. Если труд тяжёл, то трудовые коллективы начинают борьбу за снижение рабочего дня – ПРИ сохранении зарплат. Но и капиталисты недолго плачут – ведь повышение жизненного уровня рабочих означает повышение качества продукта их труда. Как писал Маркс: прогрессивный буржуа хорошо содержит своего рабочего.

И принцип фальсификации Поппера нелеп: теория научна, не имея свидетельств в свою пользу, и наоборот, она может быть псевдонаучной, даже если все доступные свидетельства говорят в её пользу, научный либо ненаучный характер теории может быть определён независимо от наличных фактов. Теория является научной, если можно заранее предложить такой решающий эксперимент, который в принципе может её опровергнуть; и она будет псевдонаучной, если такого эксперимента не существует. Т.е. все ненаучные, неверные теории, согласно Попперу – научны. Даже американский философ науки Томас Кун считал принцип фальсификации наивным.

Если СССР – закрытое общество, нужно ответить на вопросы «кем» и «как». В первую очередь, СССР «закрыла» речь Черчилля в Фултоне. И США не являются открытым обществом, это миф, США даже евреям одно время запрещали въезд. Поправка Джексона-Вэника охватывает страны, которые

запрещают выезд. Согласно Попперу, Китай – тоже закрытое общество, Китай попал под действие поправки. Дэн Сяопин смеялся: «Мы готовы поставлять в США 10 млн китайцев ежегодно».

Если Маркс в понятии эксплуатации делал акцент на отчуждении рабочего от прибавочной стоимости, то нужно сделать шаг вперед. Ибо у Маркса есть то, чем исправить Маркса.

1) Уже в «Критике Готской программы» Маркс указывает, что никакого прудоновского «неурезанного трудового дохода» быть не может, нужны налоги для обеспечения школ, беременных и т.д. Т.е. если сводить эксплуатацию к изъятию прибыли, то она должна оставаться и при коммунизме.

2) Угнетает не только и не столько низкий доход, сколько сам тяжелый, монотонный, однообразный, обезличивающий труд (Маркс, «Экономическо-философские рукописи 1844 года»).

3) Это угнетение порождает другое: помыкание рабочим на производстве, он винтик в механизме, в то время как узкий социальный слой капиталистов (или партийной элиты, что тоже самое) узурпирует управление производством и, следовательно, прибавочной стоимостью.

Заключение

Разумеется, будущее зависит от нас самих. Этот факт Поппер противопоставляет историческому детерминизму: «Будущее зависит от нас самих, и мы не зависим от какой бы то ни было исторической необходимости» [15]. В статье «Нищета историзма» он пишет: «Не существует ни стадий общества, ни законов развития. Идея развития самого общества - идея, что общество как физическое тело может двигаться как целое по определенной траектории и в определенном направлении - является просто холистской путаницей» [16]. Но холизм – не путаница, он лишь призван подменить в философии принцип диалектического развития от низшего к высшему. Поппер, возражая направленности истории, противоречит историческим фактам.

На III Международном социологическом конгрессе в Амстердаме позитивисты предлагали заменить в социологии понятие развития понятием изменения, чтобы уйти от ответа на вопрос, в каком направлении идут эти изменения.

В 1959 году на IV Международном социологическом конгрессе западногерманский социолог Т. Адорно заявил, что позитивизм является такого рода учением, которое исходит из признания существующего, т. е. капиталистического порядка вещей, и не только исходит из того, что дано, но и положительно оценивает это «данное».

Перестройка, смена идеологической ширмы и реформы образования привели к тому, что изучают не труды Маркса, а заплесневелые труды о Марксе буржуазных идеологов. Что тормозит развитие марксизма, чем и пользуются зарегистрировавшиеся марксистами до 1991 года профессора, неосталинисты, антикоммунисты всех мастей и т.п.

Н. С. Юлина, исследуя работу 1963 года В. А. Смирнова о Карнапе, хвалит его игнорирование политической составляющей работ Карнапа, за то, что «Смирнов не заботят «задачи идеологической борьбы на современном этапе»». Однако Смирнов не обходит вниманием идеологию, Юлина пишет: «По Карнапу. Вопрос об отношении языкового каркаса к внешнему миру неправомерен. Смирнов не согласен с такой позицией и считает его законным». Именно эту позицию Смирнова Юлина подвергает критике. Она уподобляется Кролику из сказки о Винни Пухе: «Смирнов говорит о «соответствии действительности», однако из его рассуждений не всегда ясно, о какой «действительности» идет речь. «Действительность» может толковаться и как нечто дотеоретическое, долингвистическое, как кантовская «вещь в себе». Под «действительностью» можно понимать картину мира, рисуемую на естественном языке здравого смысла или на языке традиционной философии. В последнем случае проблема состоит в отношении изображения мира на языке науки к обычному миру, рисуемому на языке повседневного опыта. И вопрос состоит в отношении языка двух теорий: научной, с одной стороны, и теории здравого смысла, с другой» [1].

Очевидно, что под действительностью понимается действительность, не «дотеоретическое», не «долингвистическое» т.к. действительность существовала до теории и до лингвистики. И не «вещь-в-себе», т.к. мир познаваем. Никакой теории здравого смысла не существует, никакой проблемы соотношения языков научного и обыденного нет. Отрицает ли Карнап соответствие научной теории

действительности? Нет, он объявляет этот вопрос ненаучным. Юлина же критикует важнейший момент работы Смирнова с помощью пустопорожней демагогии.

Позитивиста Лакатоса, отвергающего объективность математики, перестроившийся Перминов критикует за использование материалистических аргументов.

«С точки зрения праксеологической теории очевидности основная ошибка Лакатоса состоит в том, что он не отделяет ассерторических очевидностей от аподиктических и не осознает особого обосновательного статуса последних. Это убеждение Лакатоса существенно связано с эмпирическим воззрением на математику, согласно которому математические очевидности в своей основе являются очевидностями эмпирического и индуктивного порядка. Это воззрение, однако, не обосновано, и оно полностью опровергается на основе более глубокого анализа природы первичных математических идеализаций. Если первичные очевидности математики относятся к универсальной форме мышления, то они внеэмпиричны, вневременны и недоступны для корректировки на основе каких-либо контрпримеров. Лакатос убежден в том, что математики не имеют и не могут иметь объективных критериев строгости, достаточных для того, чтобы однозначно зафиксировать факт строгого доказательства даже в тех случаях, в которых мы его в действительности достигли» [17].

Во-первых, Лакатос отнюдь не смешивал воедино ассерторические и аподиктические суждения, что, кстати, к праксеологии не имеет отношения. Во-вторых, очевидность, что параллельные прямые не пересекаются, не является очевидностью, что не может быть опровергнуто никаким анализом «первичных идеализаций». В-третьих, не существует никакой универсальной формы мышления. Согласно Перминову якобы существуют независимо от человеческой практики очевидности, первичные идеализации, которые неизменны, либо даны богом, либо существуют независимо от природы.

Дэвид Юм не отрицал существования внешнего мира Он просто не видел достаточных доказательств этого.

Многие неопозитивисты не отрицают, что человек может получить истинные знания о мире. Они отвергают существование критерия истинности, абсолютизируя критерий практики.

Ленин подчеркивал, что практика – выше теории, в то же время объяснял: «... не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [18].

Невозможно сформулировать и проверить бесконечное число протокольных предложений, следовательно, не только философия, но и любая наука неverifiedируема, что абсурдно. Возможно подвергнуть фальсификации только старые теории, но с точки зрения фальсификационизма все ложные современные теории – научны. Эпистемологический анархизм доводит до конца принцип фальсификации, утверждая истинность ложных высказываний. Фейерабенд будто бы критикует буржуазное государство, но хотелось бы уточнить – почему критикует? Почему эта критика носит антибольшевистский характер?

Кроме Грязнова, Нарского, А. С. Богомолова общий критический анализ буржуазной методологии науки дал А. Л. Никифоровым [19]. В своем стремлении опровергнуть или хотя бы убедить игнорировать марксизм-ленинизм, неопозитивизм не одинок. Теория насилия Дюринга, инструментализм, теория Кейнса, институционализм, меркантилизм, гештальт, редукционизм и т.д., и т.п., с массой фамилий «исследователей», цитат, поверхностных суждений призваны создать впечатление культуры, научности, но не имеют ни к культуре, ни к науке никакого отношения. У них другие задачи.

Литература

1. Юлина, Н. С. О работе В. А. Смирнова «О достоинствах и ошибках одной логико-философской концепции (критические заметки по поводу теории языковых каркасов Р. Карнапа)» Философия науки. М., 1998. Вып. 4. С. 202-211.
2. Шлик М. Аналитическая философия. Избр. тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 28-33.
3. Платон. Тимей. Собрание сочинений в 4-х томах, Т. III. М.: Мысль, 1990.
4. Карнап Р. Философские основания физики. М.: Прогресс, 1971. 392 с.

5. Лакатос И. Наука и псевдонаука. Выступление на радио Открытого университета, 30.6.1973, Великобритания.
6. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 413 с.
7. Фейерабенд П. Прощай, разум. 1987. М.: АСТ: Астрель, 2010. 477 с.
8. Маркс К. Соч., Т. 1. С. 479.
9. Маркс К. Соч., Т. 14. С. 378.
10. Popper K. R. Logik der Forschung, 1934 («Логика научного открытия», 1959).
11. Popper K. R. The Open Society and Its Enemies. V. 2. 1965.
12. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1951, стр. 151)
13. Маркс К., Энгельс Ф., Избр. произв. в 2-х томах, т. II, стр. 368, 1949.
14. Маркс К., Энгельс Ф., Избр. произв. в 2-х томах, т. 2, стр. 371.
15. Popper K. The Open Society and its enemies. London 1957, V. II, P. 3.
16. Popper K. Mosere de l'istorucisme, Paris, 1956, P. XV.
17. Перминов В. Я. Философия и основания математики. М.: Погресс-Традиция. 2001. 320 с.
<https://texts.news/filosofiya-nauki-knigi/kritika-kontseptsii-lakatos-a-16938.html>
18. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. ПСС, Т. 18. С. 145-146.
19. Никифоров А. Л. От формальной логики к истории науки. М.: Наука, 1983.